

Серкин В.П. Структура и функции образа мира в практической деятельности. Дисс. ... докт. психол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 356 с.

Серкин В.П. Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. Т. 51. № 3. С. 75-83. [Электронный ресурс]: <https://publications.hse.ru/articles/198098106>

Серкин В.П. Психосемантика: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: «Юрайт», 2016. 318 с.

Серкин В.П. Методологические и организационные вопросы разработки клиентского психотерапевтического (консультативного) мифа // Организационная психология. 2018. № 4. С. 156-167. [Электронный ресурс]: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/01/04/1143970376/OrgPsy_2018_4\(8\)Serkin\(156-167\).pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/01/04/1143970376/OrgPsy_2018_4(8)Serkin(156-167).pdf)

Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М.: «Прогресс», 1990. 368 с.

Сведения об авторе

Серкин Владимир Павлович, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета, Высшая школа экономики. Тел.: 8-926-697-01-29. E-mail: vserkin@hse.ru или serkinv@mail.ru

М.Ю. Чернавский
M.Y. Chernavsky

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД КОНФРОНТАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

INTERNATIONAL POLITICS IN THE PERIOD OF CONFRONTATION: PSYCHOLOGICAL MODELS AND METHODS OF ANALYSIS

Аннотация:

В статье рассматривается возможность применения психологических моделей и методов анализа поведения субъектов политики в периоды обострения конфронтации. Использование теории реализма позволит выявить социальную природу политического конфликта. Конструктивизм поможет проанализировать характер поведения субъектов власти. Теория игр приближает к познанию скрытых механизмов мотивации принятия решений политическими оппонентами. Модели утрашения и спирали способны сформировать представления о психологических основаниях и динамике развития конфликта. Психоанализ конструирует определенный психотип политика, что увеличивает прогностические функции политической науки.

Ключевые слова: политическая психология, политический реализм, конструктивизм, теория игр, модель утрашения, модель спирали, психоанализ.

Abstract:

The article considers the possibility of using psychological models and methods for analyzing the behavior of political subjects during periods of confrontation escalation. The use of the theory of realism will reveal the social nature of the political conflict. Constructivism will help to analyze the nature of the behavior of subjects of power. Game theory brings closer to the knowledge of the hidden mechanisms of motivation for decision-making by political opponents. Models of intimidation and spirals are able to form ideas about the psychological foundations and dynamics of the development of the conflict. Psychoanalysis constructs a certain psychotype of a politician, which increases the predictive functions of political science.

Keywords: political psychology, political realism, constructivism, game theory, intimidation model, spiral model, psychoanalysis.

Современный период развития международных отношений характеризуется нарастанием конфронтации, турбулентностью и по-

вышенными рисками начала глобального термоядерного конфликта. В данной ситуации крайне актуальным становится поиск адекватных методов познания политической реальности и применение к анализу международных отношений методов, обладающих максимальным когнитивным потенциалом.

Представляется, что необходимо в самом общем виде упомянуть базовые концепции международных отношений с точки зрения их когнитивных возможностей в трактовке сущностных аспектов взаимодействия субъектов политики в период конфронтации и в ситуации эскалации напряженности. Реализм, идеализм, конструктивизм и марксизм с их разнообразными вариациями основываются на принципиально разных подходах к анализу системы мировых отношений.

Реализм (Г. Моргантау, Р. Нибур, Г. Киссинджер, Р. Арон) более чем обоснованно рассматривает государство в качестве основного субъекта мировой политики со всеми присущими ему властными атрибутами — суверенитетом, установкой на применение силы, представлением о государственной власти как единственно возможном механизме снятия социальных противоречий и универсальном способе регулирования конфликтов.

Идеализм (либерализм) (Н. Энджелл, В. Вильсон, А. Циммерн) обладает минимальным когнитивным потенциалом в части объяснения закономерностей поведения субъектов политики в периоды конфронтации. Доминирование должного над сущим и поиск решений на базе абстрактных представлений о якобы неизбежном стремлении политических субъектов к сотрудничеству сложно применимы к конфронтационной ситуации выхода на первый план фактора силы и борьбы военно-политических потенциалов государств. Единственное, в чем можно усмотреть действенность идеалистического подхода к природе мировых отношений, это установка на значимость идей, идеальной составляющей в процессе принятия решений субъектами политики.

Конструктивизм (П. Катценштайн, А. Вендт, Н. Онуф) открывает перспективы рассмотрения международных отношений в оптике мировоззрения, установок и мотивов поведения каждой отдельной наделенной властью личности. Фактор субъективной сконструированности различных «миров» носителей власти высвечивает проблему соотношения их образа политической реальности и взаимной интерпретации намерений, смысла и мотивов их политического поведения (Р. Джервис, Т. Шеллинг^{120, 121}).

¹²⁰ Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике / Пер. с англ. Т. Ованнисяна. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 656 с.

¹²¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред.

Выдвижение на первый план анализа процессов социализации самих субъектов политики, их система ценностей, верований, стереотипов, давление традиции в способе реагирования на кризисные ситуации, редукционизм в восприятии сложного и крайне противоречивого внешнего мира — все эти факторы становятся определяющими при анализе формирования решений и мотивов поведения субъектов политических процессов. На передний план выходит проблема детерминированности поведения политиков в зависимости как от динамично меняющейся ситуации, так и от поведения их оппонентов (теория игр).

Марксизм (Р. Пребиш, И. Валлерстайн, Й. Галтунг) дистанцируется от анализа субъективных механизмов поведения субъектов политики и сосредотачивается на результатах политической деятельности. Марксистский подход акцентирует внимание на том, какие именно социально-экономические интересы субъектов политики были реализованы и как эти результаты отражают объективно существующие потребности различных социальных групп, классов, слоев населения, государств.

Таким образом, реализм акцентирует внимание на политических факторах мировых отношений; идеализм сосредотачивается на субъективно-идеальных аспектах деятельности политиков; конструктивизм анализирует внутренние взаимные интерпретации намерений, смыслов и мотивов поведения носителей власти; марксизм рассматривает внешнюю результирующую составляющую мировых отношений сквозь призму реализации социально-экономических потребностей субъектов политики.

Применительно к анализу политической ситуации в период конфронтации представляется уместным использовать реалистические и конструктивистские методологические подходы. Реализм позволит рассматривать политику как потенциальную арену столкновения интересов государств, в поведении лидеров которых доминируют конфронтационные установки, связанные с использованием военно-политического потенциала своих стран для сохранения государственного суверенитета и обеспечения безопасности.

Система мировых отношений представляется сложной взаимосвязью взаимных интерпретаций относительно намерений, возможностей и мотивов поведения политических оппонентов. В связи с чем конструктивизм уделяет первостепенное внимание не только тому, как самотракуются намерения той или иной стороны, но и тому, каким образом эти намерения интерпретируются оппонентами. Истинные намерения политиков облакаются в форму публичных заявлений, которые определенным образом интерпретируются оппонентами, однако

Ю. Кузнецова, К. Сони́на. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

конечная версия оппонентов не всегда совпадает с исходными намерениями. Конструктивизм открывает возможности анализа субъективных мотивов поведения политических деятелей, в частности, посредством адаптации теории игр в плоскости международных отношений.

Теория игр в политике анализирует возможность нахождения максимально эффективной стратегии поведения в ходе отстаивания своей позиции в международных отношениях. При этом «игра» в мировой политике ведется, как правило, не с нулевой суммой, т. е. не носит строго антагонистический характер — ни один из оппонентов не может остаться в абсолютном проигрыше: если выигрывает один игрок, то и второй игрок получает определенные дивиденды (Д. Нэш, Т. Шеллинг).

В частности, в хрестоматийной «дилемме заключенного» два игрока, посаженные в тюрьму и не находящиеся в отношениях кооперации, должны выбрать один из четырех возможных сценариев развития ситуации:

1. я молчу, и молчит мой напарник — мы оба получим по 1 году тюрьмы;
2. я сдаю напарника, и он сдает меня — мы оба получим по 2,5 года тюрьмы;
3. я молчу, а напарник меня сдает — я получу 5 лет тюрьмы, а он свободу;
4. я сдаю напарника, а он молчит — я получаю свободу, а он 5 лет тюрьмы.

Игра сводится, в конечном счете, к так называемому «равновесию Нэша», когда каждый из политических игроков, соотнося свое поведение с линией оппонента, выбирает оптимальную стратегию и строго ей следует. Оптимальность «равновесного» выбора заключается в минимизации рисков и сводится к пословице «лучше синица в руках, чем журавль в небе», когда предполагается, что каждый из игроков с высокой долей вероятности выберет второй вариант развития ситуации: «Я сдаю напарника, и он сдает меня — мы оба получим по 2,5 года тюрьмы».

Парадокс заключается в том, что рациональные доводы диктуют один вариант поведения (1), в то время как реальная коммуникативно-психологическая среда толкает оппонентов к равновесному решению (2), основанному на взаимном недоверии. Каждый из заключенных стремится к максимальному страхованию рисков и исходит из подозрительности и наихудшего сценария при анализе поведения оппонента, что подтверждает справедливость установки реализма на дремлющий в толщах социальной коммуникации потенциал конфликтности.

Зачастую в состоянии политической (а еще хуже — военно-политической) конфронтации «равновесие Нэша» выражается в ставке

на нарастание напряженности. Склонность игроков к выбору конфронтационного сценария, вызывающего эскалацию конфликта, конструктивисты объясняют рационально — неадекватностью взаимной интерпретации намерений, что отражено в предлагаемых ими моделях утрашения и спирали.

Модель утрашения способна проанализировать внутреннюю динамику решения субъектов политики в случае осознания спектра политических угроз от оппонента и принятия радикальных мер противодействия этим вызовам. Радикализм позиции государства вызван его природной неспособностью уступать противоположной стороне в процессе своеобразного клинча, так как государство не может выглядеть слабым в глазах общества. Любые уступки и компромиссы с противоположной стороной не только дискредитируют власть в глазах общества внутри страны, но и провоцируют политического оппонента на усиление своих требований, укрепляют его уверенность в своих силах и увеличивают его агрессивность. Модель утрашения в конфликтологии уподобляется войне нервов во время «игры в цыпленка» (Т. Шеллинг), когда «водители мчатся навстречу друг другу по одной стороне дороги. Свернувший первым удаляется презрительного окрика победителя «Цыпленок!»»¹²².

Модель утрашения активно использовалась Соединенными Штатами Америки в период «холодной войны» с Советским Союзом. В то время она получила наименование стратегии сдерживания (Дж. Кеннан, А. Даллес, Л. Хендерсон, Д. Ачесон). Суть стратегии состояла в оказании постоянного давления на СССР и страны социалистического блока посредством поддержки антисоветских сил и режимов по всему миру, что явилось идеологическим обоснованием вмешательства США во внутренние дела других стран и создания разветвленной сети американских военных баз. Целью стратегии сдерживания являлась постоянная демонстрация США и странами НАТО своей военной мощи и ее частичное применение для получения внешнеполитических уступок и, в конечном счете, капитуляции советской стороны.

Модель спирали позволяет раскрыть характер внешнеполитических отношений, подчиненных алармистски ориентированным взаимным агрессивным интерпретациям внутренних установок и скрытых мотивов поведения субъектов политики. Модель спирали предполагает постоянную эскалацию внешнеполитической и военной напряженности посредством перманентного «повышения ставок» в процессе взаимного противостояния. Модель основана на склонности каждой

¹²² Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. С. 198.

из противоборствующих сторон гипертрофированно оценивать степень враждебности другой стороны («холодная война» СССР и Запада (1946-1991), эскалация напряженности вокруг Украины (2014-2023) и Тайваня (2021-2023)). Именно принцип взаимного нагнетания напряженности составляет основу сформулированной дилеммы безопасности, предполагающей, что стремление одного субъекта обезопасить себя неизбежным образом воспринимается другим субъектом как угроза.

В качестве показательного примера можно привести идею президента США Р. Рейгана о запуске фейковой, как выяснилось впоследствии, программы Стратегической оборонной инициативы. Программа предполагала вывод ядерного оружия в околоземное космическое пространство в целях защиты американской территории своеобразным «ядерным зонтиком». Соответственно, она однозначно истолковывалась советским руководством как угроза безопасности СССР и была интерпретирована как «очередной виток эскалации американским империализмом гонки ядерных вооружений».

Рассмотрение внешней политики в соответствии с моделью спирали подчинено реалистическому принципу трактовки военно-политических мероприятий оппонента по обеспечению им собственного суверенитета и независимости как фактора угрозы своей безопасности. Установка реалистов на политический анархизм в сфере внешней политики находит свое отражение в убежденности относительно перманентно существующей глубинной конфронтации государств, блоков государств и надгосударственных структур. В модели спирали просматривается гоббсовский взгляд на войну как состояние, изначально присущее инстинктивно-агрессивной природе человека. Рациональные компоненты и ориентация на межгосударственное сотрудничество носят вторичный характер и являются побочным продуктом установления баланса сил в мировых отношениях.

Когнитивные уязвимости теории принятия решений в конструктивистском подходе связаны с убежденностью политических экспертов в вероятном существовании некой умозрительной установки на возможность адекватной передачи смысла от одного политического субъекта другому. Само словосочетание «неверное восприятие в международной политике» (Р. Джервис) подспудно предполагает существование некоего «верного» восприятия, к которому возможно получить аналитический доступ.

Доступ к некоему правильно проинтерпретированному восприятию позиции другого в политике предлагается осуществить посредством: использования теоретических наработок из теории игр; анализа процесса принятия решений; рассмотрения внутренних и внешних источников поведения субъектов политики; применения знаменитой

«дилеммы заключенного»; использования феномена самосбывающихся пророчеств в политике; рассмотрения проблемы когнитивной замкнутости и искажения; процесса ассимилирования новой информации с убеждениями; избегания рассмотрения ситуации с позиции единственности гипотезы, которая подспудно всегда будет стремиться к своему императивному подтверждению на базе анализа соответствующих удобных фактов и комфортно выдвигаемых теоретических обоснований.

Поиск исключительно внутренней логики и причинно-следственной последовательности в мотивах и решениях политиков представляется крайне ограниченным. Экспертное же объяснение когнитивных сложностей в использовании рациональной аргументации постоянными изменениями политической обстановки видится крайне недостаточным: помимо детерминации политического поведения со стороны внешней ситуации, присутствуют еще и скрытые бессознательные мотивы.

Кроме того, конструктивизм оставляет за скобками своего рассмотрения факт того, что мировые отношения представляют собой аберративную, нелинейную, динамичную и нестабильную систему, в которой намерения каждой из сторон постоянно взаимно искажаются. Результаты аберративного искажения позиций сторон становятся важнее некой константно существующей объективной политической «реальности», доступ к которой якобы носит универсальный характер и потенциально открыт всем субъектам политики посредством «верного восприятия».

В этой связи «верное восприятие» субъектами политики действий оппонента невозможно по причине принципиального отсутствия механизма верификации того, какие суждения относительно интерпретации намерений оппонента являются «верными», а какие аберративными. Абerrация восприятия мотивов другого человека в той или иной степени будет постоянно иметь место в силу следующих обстоятельств.

Мотивация решений субъектов политики детерминирована тремя базовыми факторами: рациональностью, традицией и бессознательными установками.

Рациональность находится в фокусе внимания конструктивистского метода, в контексте которого используется теория игр с ее базовыми внешнеполитическими моделями утрашения (сдерживания) и спирали (эскалации напряженности).

Традиция как исторически обусловленный стереотипизированный способ реагирования политика на ситуацию становится предметом психологической трактовки человеческого поведения как сложившейся матрицы инвариантно устоявшихся подходов. Механизмы традиции

имеют основания в чувстве веры, в следовании долгу, в воспроизводстве социальных отношений в контексте единой и самобытной нации, государства, цивилизации, в подчинении культурному коду народа, в отстаивании идеалов прошлого и продолжении дела предков.

Стремление к рациональному конструированию каркаса политических отношений обречено на некоторую долю условности и утопизма в силу игнорирования базового инстинкта человека — *бессознательно-го следования своим потребностям*. Потребности, будучи осмысленными, образуют систему интересов. При этом, если потребности коренятся в бессознательно локализованных инстинктах, то интересы постфактум стремятся рационализировать эти «нутряным» образом присутствующие потребности. Рациональный самоанализ постоянно оставляет после себя непрозрачный и нерационализируемый бессознательный осадок, который вполне может стать скрытой причиной поведения.

Психоаналитический метод в этой связи способен результативно дополнить как конструктивизм, так и связанную с этой методологией теорию игр, которая построена на убеждении в существовании изначальной прозрачности для субъекта истинного смысла собственных установок. Однако, если прислушаться к постулатам психоанализа, то становится очевидным факт неопределенности и размытости истинных мотивов поведения субъекта для самого субъекта. Человек пребывает по ходу своей жизни в искаженном и неполном представлении о себе самом, о своей природе, о своих скрытых желаниях и возможностях. Постоянно меняющаяся политическая ситуация пробуждает в носителях власти новые, порой неожиданные способы реагирования. Стратегия поведения политиков, как правило, не соответствует изначальному рационализированному плану действий. Динамизм ситуации побуждает субъектов политики следовать новым сценариям, которые коррелируют с их глубинными бессознательными установками и разрушают изначальные рационализированные экспертно-аналитические прогнозы.

Выявить скрытую бессознательную детерминацию поведения представляется возможным, в частности, посредством формирования детализированного психотипа того или иного политика. В этом смысле крайне показательны формулировки о «бессознательных мотивах» и «врожденных инстинктах» политиков, столь любимые американскими политическими экспертами на российском телевидении (Д. Саймс, М. Бом).

Психоаналитический метод нашел неожиданное воплощение в авторской эпатажно-политической программе М. Бутиной «Куклы наследника Тутти» на Первом канале. «Героями» своеобразной психоаналитической «прожарки» становились Дж. Байден, О. Шольц, М. Саа-

кашвили, А. Арестович, Дж. Сорос, Х. Клинтон, И. Маск и др. Характерен психоаналитический настрой базового «меседжа» телепередачи: «Переходим на личности!».

В психоанализе также уделяется внимание возрастным психологическим особенностям субъектов политики. Носители власти с течением времени естественным образом склонны к консервации своих подходов при реагировании на проблемы. Политики с течением времени становятся менее гибкими к возможным вариантам применения нестандартных решений. Посредством рассмотрения психотипов политиков повышается степень прогнозируемости их поведения, что в целом способно усилить прогностические функции политической науки.

В этом смысле показателен психологический интерес британской и американской разведок к личности А. Гитлера на этапе его восхождения к вершинам власти. В частности, следует упомянуть психоаналитический доклад о лидере Третьего Рейха, подготовленный доктором В. Лангером по заказу американской внешней разведки (1943)¹²³. В этой связи является сложно объяснимой установка лидеров Великобритании (У. Чемберлен) и Франции (Э. Деладье) на политику в отношении нацистской Германии, названную впоследствии «умиротворение агрессора». Многие видные государственные деятели и европейские дипломаты второй половины 1930х гг. отмечали позднее, что им и в голову не могло прийти то, что Гитлер будет реализовывать на практике агрессивные идеи, изложенные в его главном идеологическом труде.

Мировые отношения, анализируемые в моменте, представляют собой взаимодействие как минимум трех возможных проекций: первая — внешнее позиционирование своих планов той или иной стороной отношений, вторая — консенсусно меняющееся восприятие этих планов оппонентами, третья — скрытые намерения субъектов политики, которые стремятся достичь своих сокровенных целей под семантическим прикрытием дипломатически декларируемых принципов.

Принципиально важным обстоятельством в данном случае является оговорка «в моменте». Динамичность и внутренняя противоречивость системы мировых отношений превращают политику в постоянное перетасовывание политиками свои мотивов, намерений и даже изменение ими собственных скрытых установок. Публичные заявления политиков и дипломатов не могут служить доказательной базой для анализа истинных установок в силу того, что язык, как считают некоторые, дан человеку для того, чтобы скрывать свои истинные наме-

¹²³ Лангер В. Мышление Адольфа Гитлера: секретный доклад американской разведки / Сост. А.А. Иванов, Т.А. Яхнюк; предисл. У. Лангера, послесл. Р. Уэйна; пер. с англ. А.А. Иванова, А.В. Полищука, Е.А. Ткач, Т.А. Яхнюк. Киев: «Румб», 2006. 496 с.

рения. В глубинной психологии господствует резонное мнение, что человек подсознательно стремится к одному, но на уровне осознаваемой формализации говорит и делает другое. Данное утверждение, как представляется, в наибольшей мере соответствует сущности политической коммуникации.

Таким образом, анализ политического поведения лидеров и руководства государств в период нарастания конфронтации на мировой арене должен соответствовать специфике и сложности предмета исследования. Традиция в восприятии поведения политических лидеров схватывается теорией реализма в международных отношениях. Поведение политических руководителей детерминируется военно-политической историей страны и самой природой государства как системы институционализированной власти, стремящейся к сохранению собственной безопасности и отстаиванию идей государственного суверенитета. Рациональный анализ политического поведения используется теорией конструктивизма, что позволяет с помощью теории игр, а также моделей утращения и спирали выявить мотивацию и психологические аспекты практических решений и поведения политических субъектов. Психоанализ позволяет открыть перед экспертами бессознательные механизмы политического поведения субъектов власти, что способно придать политическому анализу прогностически более когерентный характер.

Список литературы

Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголый мир // Сравнительная политика. № 1 (14). 2014. С. 4-21.

Букин Д. Еще не пролитая кровь отражается на лету. О книге Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». [Электронный ресурс]: <https://goriky.media/reviews/eshhe-ne-prolitaya-krov-iskazhaetsya-na-letu/> (дата обращения: 11.04.2023).

Брэмс С. Дж. Математика апокалипсиса: теория игр и кризис ядерный кризис. [Электронный ресурс]: <https://habr.com/ru/articles/436066/> (дата обращения: 20.04.2023).

Дегтерев Д., Дегтерев А. Теория игр и международные отношения. [Электронный ресурс]: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6c5/6c5bda17327825237d0eb1bf1aa4d858.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).

Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике / Пер. с англ. Т. Ованнисяна. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 656 с.

Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.

Дугин А.Г. Международные отношения (парадигмы, теории, социология): Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: «Академический проект», 2014. 431 с.

Казанцев А.А. «Конструктивистская революция», или О роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivistskaya-revolyutsiya-ili-o-rol-i-kulturno-tsivilizatsionnyh-faktorov-v-sovremennoy-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 11.04.2023).

Лангер В. Мышление Адольфа Гитлера: секретный доклад американской разведки / Сост. А.А. Иванов, Т.А. Яхнюк; предисл. У. Лангера, послесл. Р. Уэйна; пер с англ. А.А. Иванова, А.В. Полищука, Е.А. Ткач, Т.А. Яхнюк. Киев: «Румб», 2006. 496 с.

Шатрун В.В. Применение теории игр в теории международных отношений. [Электронный ресурс]: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/259966/1/446-449.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).

Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонины. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

Сведения об авторе

Чернавский Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Тел.: 8-916-474-08-61. E-mail: chernavsky14@mail.ru или m.chernavskiy@mgutm.ru

Information about the author

Chernavsky Mikhail Yurievich, PhD in Philosophy, Professor of the Department of History, Philosophy, Literature and Continuous Cossack Education, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University). E-mail: chernavsky14@mail.ru or m.chernavskiy@mgutm.ru